

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Русинов

**ВО
ВСЁМ
ВИНОВАТ...**

Кирилл Русинов

ВО ВСЁМ ВИНОВАТ...

«Автор»

2026

Русинов К. Е.

ВО ВСЁМ ВИНОВАТ... / К. Е. Русинов — «Автор», 2026

Что будет, если перестать двигаться? Не на минуту, а по-настоящему — на день, на два, на три? Герой первого рассказа замирает в кресле накануне Нового года и обнаруживает, что тишина умеет разговаривать. Герой второго пытается доказать, что тело — иллюзия, а разум — единственное, что имеет значение, стоя посреди улицы с застывшим хот-догом в руке. Героиня третьего, оглушённая праздничным шумом, ложится на пол и находит в трещине на потолке не пустоту, а неожиданное спасение. Три рассказа о том, как желание остановиться оборачивается встречей с собой — то горькой, то смешной, то спасительной.

© Русинов К. Е., 2026

© Автор, 2026

Кирилл Русинов

ВО ВСЁМ ВИНОВАТ...

Кирилл РУСИНОВ

«ВО ВСЁМ ВИНОВАТ...»

Три рассказа о том, как желание замереть и остановиться оборачивается встречей с собой – то горькой, то смешной, то спасительной

Во всём виноват Новый год

31 декабря, 18:01

Пятка правой ноги упирается в холодный линолеум, левая заброшена на табурет от кухонного стола. В комнате пахнет старыми книгами, пылью и подгоревшей когда-то едой, что буквально въелась в стены. Сергей смотрит в потолок. Над его любимым, просевшим креслом – аномально ровный участок, где когда-то висела люстра предыдущих жильцов. Вокруг – паутина трещин, расходящаяся, как карта бессмысленных рек.

Ему нужно успеть добежать до магазина. Он запланировал это ещё два часа назад. Взять сосиски, хлеб, ещё пару банок дешёвого пива. Отметить праздник... что бы это ни означало в его текущей ситуации. Ведь так принято. Так надо.

Но тело не слушается. Оно будто налито свинцом и приварено к потрёпанной вельветовой обивке. На ноутбуке, стоящем на табурете рядом, всплывает уведомление из общего чата: «Ребята, всем отличного праздника! Зажигаем!». Фотография стола, ломящегося от еды, знакомые улыбки. Он отводит взгляд. Глаза натываются на телефон. Черный экран, время и уровень заряда – 78%.

А что, если вообще не двигаться?

Мысль приходит не как вопрос, а, скорее, как некое открытие. Тихий, щекочущий позыв где-то в основании черепа. Не «зачем», а «что будет?». Эксперимент.

Он скрещивает руки на груди «лодочкой», стараясь устроиться ещё удобнее, чтобы ни одна мышца больше не дрогнула. Дыхание само становится чуть глубже, реже. Взгляд фиксируется на той самой ровной заплатке на потолке. Он превращается в наблюдателя. За миром, который продолжает крутиться без него. За собой, который сидит и безмолвствует. За событиями вокруг, которые проносятся каждый раз без его участия.

31 декабря, 20:47

Первая волна – зуд в левой лопатке. Острый, навязчивый, будто под кожей ползёт муравей. Сергей морщится, но не шевелится. Чесаться – значит признать поражение, сдаться в самом начале. Он концентрируется на дыхании. Зуд отступает, превращается в тупое, фоновое нытьё.

В животе урчит. Он не ел со вчерашнего вечера, только пиво. Пустота внутри начинает гудеть, сосать под ложечкой. Сергей вспоминает, как пахнет жареная колбаса. Слюна резко наполняет рот, и он сглатывает. Звук кажется ему оглушительно громким в тишине комнаты.

За окном темнеет. Кто-то этажом ниже кричит: «Таня, хватит оливье мешать, иди смотри!». Смех. Звон бокалов. На улице начинают запускать первые фейерверки. Оглушительная радость вокруг и настолько же глухая пустота внутри. Сергей чувствует, как его мочевого пузырь, туго налитый пивом, подаёт первый вежливый сигнал. Он игнорирует его.

31 декабря, 23:15

Позывы к мочеиспусканию перестали быть сигналами. Они стали единственной реальностью. Давящая, распирающая тяжесть внизу живота. Ощущение горячего шара, который вот-вот лопнет. Сергей стиснул зубы. Мышцы пресса и таза напряжены до дрожи, но он не сдаётся.

Это уже не просто эксперимент. Это противостояние. Между его волей и глупыми, примитивными потребностями тела, которое предало его раньше – позволило растолстеть, облысеть, покрыться морщинами от стресса.

31 декабря, 23:55

На экране ноутбука – обратный отсчёт из телевизора. Улыбающиеся лица, приближающийся бой курантов. Лицо Сергея искажено гримасой боли. По щеке скатывается потная капля.

00:01. Новый год.

Взрыв. Не в его теле, а снаружи. Окно, которое он не завесил, вспыхивает разноцветными всплесками. Зелёный, красный, золотой. Искры салюта отражаются в стекле банок из-под пива на полу. Там, снаружи, – ликование. А здесь, внутри, – последний рубеж, который обязательно надо переждать.

Его тело сдаётся внезапно и без пафоса. Не резкая боль, а сбой, тихий щелчок где-то в блокировке сознания. Из него вырывается стон облегчения, который тут же сменяется волной жгучего, всепоглощающего стыда.

Тёплая струя сначала просто заливает промежность, мгновенно пропитывая ткань старых спортивных штанов жаркой влагой. Потом давление нарастает, и он чувствует, как моча, уже не сдерживаемая ничем, растекается по внутренней поверхности бедра. Она течёт густой, почти обжигающей волной по коже, заливая сиденье кресла. Промокает вельвет. Сочится сквозь дыры в подкладке. Капля за каплей падает на линолеум, образуя под креслом тёмное, медленно растущее пятно. В нос бьёт резкий, едкий, знакомый запах аммиака, смешанный с затхлостью немытого тела.

Он закрывает глаза. Эксперимент переходит в новую фазу.

1 января, 04:30

Боль. Она приходит, когда смущение и стыд немного отступают. Это не та острая боль, которую можно перетерпеть. Это глухое, ноющее давление в каждом суставе. Колени, запястья, плечи. Позвоночник будто превратился в ржавую, скрипящую цепь. И голод. Теперь это не просто урчание. Это спазмы, короткие и острые. Будто кто-то сжимает желудок в кулаке,

выжимая из него последние соки. Слюна давно кончилась, язык прилип к нёбу, шершавый и огромный, как валенок.

Сергей аккуратно, стараясь не двигаться, переводит взгляд на пятно на полу. Оно уже не блестит, а потемнело, только по краям виден желтоватый налёт. Мухи. Одна, потом вторая. Откуда? Они сонно кружат над пятном, садятся, ползают. Сергей следит за ними взглядом. Ему хочется схватить тапок, размазать их в кровавую кашу. Но это – движение. Значит – поражение. Поэтому он только наблюдает. Со стороны.

1 января, 14:00

Жажда заменяет всё вокруг. Голод становится абстракцией, боль и спазмы – фоном, а запах в комнате – частью атмосферы. Но жажда – это огонь в горле, здесь и сейчас! Это трещины на губах, это ощущение, что мозг высыхает и сжимается, скрипя внутри черепа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.